

браком уменьшается. Истинной причиной неудовлетворенности от жизни являются страхи и внутренние комплексы, которые касаются не лишнего веса, а самооценки, самопринятия, личностных качества и характеристик, которые женщина пытается вылечить за счет внешнего поведения. Но внутренняя «сердцевина» остается очень негативной. Во время и после похудения женщина часто закидывается исключительно на своем теле, забывая о других сторонах жизни, например, о брачно-семейных отношениях.

Проведенное исследование не претендует на полное решение столь сложной проблемы, как изучение особенностей личности и психологического благополучия у людей с избыточной массой тела. Дальнейшая разработка данной тематики предполагает изучение таких аспектов, как уровень психологического благополучия у мужчин и женщин с излишней массой тела, особенности психологического принятия себя при ожирении, вопросы коррекции представлений о себе у людей с избыточным весом.

Список использованных источников

1. *Пахоль, Б. Е.* Субъективное и психологическое благополучие: современные и классические подходы, модели и факторы / Б. Е. Пахоль // Психол. журн. – 2017. – № 1(3). – С. 80–104.
2. *Бонивелл, И.* Ключи к благополучию. Что может позитивная психология / И. Бонивелл; пер. с англ. М. Бабичевой. – М.: Время, 2009. – 192 с.
3. Бесплатная библиотека RoAprobacia издательство. XI Международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология: актуальные проблемы исследований на современном этапе». Феномен субъективного благополучия в психологической науке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aprobacia.ru/phenomen-subektivnogo-blagopoluchiya-v-psixologicheskoy-nauke.html>. – Дата доступа: 11.05.2019.
4. *Карапетян, Л. В.* Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия / Л. В. Карапетян // Изв. Урал. федерал. ун-та (Сер. «Проблемы образования, науки и культуры»). – 2014. – № 1(123). – С. 171–182.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

О. В. Белановская, А. Н. Грицовец
Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Belanovskaya, A. Gricovec
National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 159.922

ПРОБЛЕМА ЗНАКА В ПСИХОЛОГИИ

THE PROBLEM SIGNS IN PSYCHOLOGY

В статье обсуждаются вопросы роли знаковых систем в развитии человека. Знаково-символическая деятельность рассматривается как особое, присущее только человеку образование, позволяющее ему «расшифровывать» информацию внешнего мира знаков, сохранять

и преобразовывать ее во внутреннем плане и активно изменять внешнюю знаковую среду, продуцируя собственную «зашифрованную» информацию. Предпринята попытка представить этапы в развитии символической деятельности как ряд моделей, формирующих систему.

Ключевые слова: знак; символ; личность; знаково-символическая деятельность; психологическая семиотика; замещение; моделирование; экспериментирование.

In this article will be discussed questions about symbols systems in human development. Sign-symbolic activity is examined as unique formation inhered only for human and permitted to decode external signs information, save and transform it into internal, actively vary external sign surroundings, generating his own "code" information. An attempt was made to present the stages in the development of symbolic activity as a series of models that form the system.

Keywords: sign; personality; sign-symbol activity; psychological semiotics; substitution; modelling; experimenting.

Проблема происхождения и развития знаковой функции представлена в психологической науке как комплекс вопросов, связанных со становлением в фило- и онтогенезе специфически человеческого отражения действительности. Практически любая человеческая деятельность связана с необходимостью освоения знаковых средств. Многочисленные исследования подтверждают тесную взаимосвязь между психическим развитием человека и уровнем сформированности у него знаковой функции сознания [1–3].

Фундаментальный вклад Л. С. Выготского в психологию связан с введением в анализ структуры, функционирования и развития психических процессов понятия «знак», под которым он понимал искусственные средства, включаемые человеком в психологическую ситуацию [1]. Введя понятие сигнификации, Л. С. Выготский указывал на то, что сущность функциональных отношений внутри высших психических функций заключается в употреблении знаков, а потому и тесная взаимосвязь познавательных процессов с семиотической функцией рассматривалась им как центральный, основной момент в построении всякой психической функции. Применение знака как конкретно человеческого ментального регулятора развивает все высшие психические функции человека. Механическая память становится логической, ассоциативный поток представлений формирует продуктивное мышление и творческое воображение, импульсивные действия также оказывают влияние на формирование произвольных действий.

В психологической литературе знак определяется как компонент деятельности человека, средство его сознательной ориентировки в объектах внешнего мира, управления собственным поведением и поведением других людей. С одной стороны, знак – материальная вещь с набором чувственно воспринимаемых свойств, с другой – он выступает как олицетворение, репрезентация обозначаемого предмета, обладающего отличными от собственных природными особенностями, то есть как идеальный образ.

Чтобы охватить многообразие терминологических описаний знаков, Н. Г. Салмина предлагает использовать термин «знаково-символические средства», «поскольку он подчеркивает и репрезентирует сущность знака, то обстоительство, что он есть форма некоторого содержания, значащая форма» [2].

Отталкиваясь от того, что знак является отражением чего-то внезапно-го, но значащего, А. Ф. Лосев дает следующее содержательное определение знака: «Знак вещи есть отражательно-смысловая и контекстуально-демонстрирующая функция вещи (или действительности вообще), данная как субъективно-преломленный предельно обобщенный и обратно-отражательный инвариант текуче-вариативных показаний предметной информации». Иными словами, знак может быть назван функцией того элемента действительности, который он отражает, то есть знак функционирует в человеческом сознании как та вещь, которую он отражает, но отражает в снятом, обобщенном виде [4]. В этом смысле знак – это обобщенный смысл предмета или явления действительности.

Важно также положение А. Ф. Лосева о том, что «символ есть арена встречи обозначającego и обозначаемого, которые не имеют ничего общего между собой, но в то же время он есть сигнификация вещи, в которой отождествляется то, что по своему содержанию не имеет ничего общего между собой, а именно – символизирующее и символизируемое... Знак в этом смысле «есть полное взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью» [4].

Символ и знак часто отождествляются не только на уровне обыденного, но и научного сознания. Полагаем, что различие между знаком и символом может определяться степенью условности связи обозначającego и обозначаемого. Максимальной условности связь между ними достигает в знаке. А сравнение формы символа и символизируемого содержания показывает их абсолютное несходство, выражающееся в полном различии обозначającego и обозначаемого.

Таким образом, знак и означаемое, образуя единое значение, не связаны между собой ни формальной, ни сущностной связью. Образуя единый смысл, символ и символизируемое также различаются по форме, но при этом сохраняют между собой внутреннюю связь.

Общепринятый взгляд на вещи приписывает любому знаку устойчивое значение. В этом плане «специфическое отношение обозначającego и обозначаемого, включающее именование (деноминацию), представление и замещение одного тела другим, образует значение» [5]. И далее: «Значение – это тот предмет или то положение дел, на которые указывает этот знак в конкретной знаковой ситуации. <...> Но знак не только указывает на нечто, он еще и высказывает кое-что об этом нечто. Вот это высказывание и есть смысл знака, который вводит указываемые предмет или обстоятельства в общий порядок вещей и событий. Тем самым обозначение чего-то данным знаком из окказионального превращается в необходимое как вытекающее из смысла этого знака» [6]; «значение – это внутренняя структура знаковой ситуации. Это то, что лежит между мыслью и словом» [1]; «нет вообще знака без значения. Смыслообразование есть главная функция знака. Значение есть повсюду, где есть знак. Это есть внутренняя сторона знака» [1].

Знак возникает как означение значения. Значение как функциональное свойство знака проявляется лишь в рамках знаковой деятельности. Появление того или иного предмета, приобретающего определенное назначение, выступает как знак, приобретающий значение. Поэтому взаимосвязь знака и значения многоплановая и сложная, так же, как и принятые его определения и толкования.

Анализируя многохарактерность функций знака, А. А. Леонтьев указывал, в частности, на три его основные функции. Знак, во-первых, «как реальный компонент реальной деятельности, как вещь или материальное «тело», включенное в деятельность человека», во-вторых, «как идеальный образ, как эквивалент реального знака в обыденном сознании» и, в-третьих, знак «как продукт научного осмысления» [7].

Как особый инструмент человеческой организации он несет свои особые характеристики. «Знак есть, прежде всего, единство обозначающего и обозначаемого. То есть он имеет двойственную природу» [8, с. 8]. С одной стороны, это чувственный объект, имеющий целый ряд собственных свойств, с другой – заместитель иного предмета, обладающего своими свойствами, как правило, совершенно отличными от его собственных природных свойств. Предмет обозначения может относиться к любой области действительности. Самым существенным свойством знака является его свойство репрезентировать что-то другое, отличное от него самого. Знак демонстрирует, манифестирует вещь, которую он обозначает, требует ее признания. Без обозначения вещи мы не могли бы знать о ее существовании. Это «отсылание» нас одним предметом к другому предмету есть значение «отсылающего». Значение служит неотъемлемым свойством знака, без значения он не существует, т. е. он тогда просто не служит знаком. Значение как функциональное свойство знака проявляется лишь в рамках знаковой деятельности. Ее специфика состоит в том, что мы оперируем одними чувственно воспринимаемыми предметами вместо других.

Отношения обозначения не предполагают необходимого наличия сходства; каких-либо общих черт между знаком и означаемым предметом [9]. Более того, отсутствие сходства между знаком и означаемым лучше всего выполняет семиотическую задачу знака – задачу репрезентации.

Общепринятый взгляд на вещи приписывает любому знаку устойчивое значение. Но простой констатации в данном случае явно недостаточно – знак должен иметь устойчивое значение, иначе его применение не будет иметь никакого смысла. В противоположность «извлекающему» знаку символ «втягивает» в себя всевозможные смыслы, ассоциированные с вещью. Одновременно выступая своеобразным источником смыслов, он обеспечивает их постепенный выход в практическую плоскость. То, что предметная и смысловая стороны символа оказываются неразрывно связанными, позволяет говорить о «многослойности» его структуры. Это стимулирует внутреннюю деятельность познающего субъекта, предполагает дополнительное усилие с его стороны.

Отметим, что смысл символа нельзя разяснить с помощью однозначной формулы, как в случае знака, его можно только пояснить определенным ассоциативным рядом. Таким образом, смысл выступает как тенденция, он не дан, а задан, и требуется усилие – сознательное и личностное одновременно, чтобы его раскрыть.

Поскольку знак чаще всего функционирует на каком-то одном уровне реальности, а его смысл обнаруживает себя как данность, то знак понятен всем участникам «договора», регулирующего процессы данного уровня. Понимание знака есть следствие договоренности и для овладения им нужно только знание соответствующего значения.

То есть овладение знаком происходит постепенно и опосредованно, за этим процессом стоит мышление со своей длительностью и затрачиваемым когнитивным усилием. Отсюда, в частности, следует, что оперирование знаком варьирует по степени осознания, то есть те или иные аспекты знаковой деятельности могут быть как в фокусе сознания, так и вне его, смещаясь к области бессознательного.

Напротив, символ всегда связан с символизируемым содержанием, поэтому не нуждается в дешифровке, будучи понимаем немедленно. В том смысле, что если он вообще доступен пониманию, то это происходит сразу, непосредственно. «Непосредственно» означает, что за символом стоит не столько знание, сколько понимание реальности, одномоментное ее «схватывание».

Пренебрегая длительностью этого скоротечного процесса, мы заключаем, что именно символическая деятельность есть подлинно сознательная. Ведь восприятие символа, по существу, захватывает самый фокус сознания.

М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский указывают на кардинальное отличие символа от знака: символы «есть репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок, результатов сознания, содержательностей сознания» [10]. Сосуществуя друг с другом, символ и знак олицетворяют собой два разных способа функционирования сознания, задавая тем самым два типа регуляции деятельности и поведения человека: знак служит для представления реальных вещей (явлений, свойств и т. д.) в обобщенной идеальной форме. Именно он «снимает» всеобщее с реальных объектов действительности. Символ же представляет сознанию в наглядно-образной форме абстрактные идеи и понятия, то есть «снимает» всеобщее уже не с самих реальных предметов, а с отражающих их знаков, с уже созданной идеализированной предметности. В том смысле символы – это как бы знаки второго порядка, знаки знаков.

На наш взгляд, оперирование знаковыми средствами целесообразно рассматривать как деятельность. В философской и психологической литературе деятельность рассматривается как форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляют его целесообразное изменение и преобразование. Среди важнейших характеристик деятельно-

сти указываются ее предметность и осознанность. Предметность выступает как универсальная пластичность деятельности, как ее возможность отражать в себе объективные качества предметов, среди которых действует субъект. Предметный характер деятельности лежит в основе ее объективной детерминации. Данные характеристики относятся и к деятельности со знаково-символическими средствами.

Практически любая человеческая деятельность связана с необходимостью освоения знаково-символических средств. Каждый ребенок с рождения попадает в знаково-символическую среду, где в совместной со взрослым деятельности учится понимать знаки и оперировать ими. Многочисленные исследования подтверждают тесную взаимосвязь между психическим развитием ребенка и уровнем сформированности у него знаково-символической функции сознания [11].

В результате теоретического анализа были сделаны выводы о том, что генезис знаково-символической функции трактуется исследователями по-разному. Так, Л. С. Выготский утверждает, что знак (слово) сначала появляется как символ, а уже потом на его смену приходит значение, и символ переходит в знак, то есть появление символа генетически предшествует знаку [1].

Ж. Пиаже полагает, что «в начале большого пути развития» коллективные знаки еще сложны для ребенка, ребенок нуждается в символах для усвоения действительности [12].

Другую точку зрения формулирует, например, Е. Е. Сапогова. Она указывает, что знак выполняет функцию репрезентации реальных объектов в обобщенно-идеальной форме, а символ обобщает идеализированную действительность, а не реальные предметы, поэтому символы считаются знаками знаков. При этом и символы, и знаки осуществляют регулирующую функцию, являясь средствами взаимодействия со средой, однако, по мнению Е. Е. Сапоговой, сначала появляются знаки, а потом уже символы [13].

Н. Г. Салмина [2] показала, что формирование знаний с помощью заранее заданных знаково-символических средств неэффективно, поскольку эти средства не в полной мере используются ребенком – для него содержание не в полной мере отделяется от формы представления, следовательно, младшие школьники первоначально используют символическую, а не знаковую систему, добавляет А. Н. Веракса [14]. Для символа характерно соединение реального плана и «оболочки», выступающей для субъекта как особая реальность действия [14].

А. М. Поляков, рассматривая символ как условие продуктивного действия, полагает, что содержание символа объективно неопределимо и доступно только через интерпретацию, достраивание субъектом реальности [15].

Нельзя сказать, что изучение генезиса знаково-символической деятельности в психологии изобилует теоретическими и экспериментальными работами. В основном этот анализ осуществляется в направлении, заданном исследованиями Н. Г. Салминой и ее последователей [2], хотя в разное

время публиковались работы, связанные с проблемами генезиса знакового опосредования, использования знаково-символических средств в деятельности, развитии представлений в онтогенезе [3; 9; 11–18].

В работе Н. Г. Салминой предлагается следующая общая схема становления знаково-символической деятельности в онтогенезе: знаково-символическая деятельность развивается в определенной последовательности понимания и использования знаково-символических средств в разных видах символической деятельности ребенка (речи, игре, рисовании) в форме замещения, кодирования, схематизации и моделирования. Сначала знаково-символическая деятельность обнаруживает себя во внешней форме, затем благодаря механизму интериоризации переходит во внутренний план, принимает умственную форму. Механизм, обуславливающий прогрессивное движение знаково-символической деятельности, связан с процессами осознания субъектом семиотических закономерностей, то есть осознанием различий между заместителем и замещаемым содержанием, связи между ними [2, с. 107–150].

Е. Е. Сапогова указывает, что замещение, моделирование и мысленное экспериментирование могут образовывать особую систему, уровни развития знаково-символической деятельности ребенка в онтогенезе [13]. Можно предположить, что каждому из них соответствует свой особый внешний тип деятельностей, порождающих их, и свой качественно своеобразный уровень познавательного развития, т. е. внешняя и внутренняя линии существования.

Замещение как уровень и форма знаково-символической деятельности является носителем функции репрезентации, а также в развитом виде – функции построения идеализированной предметности. Моделирование, опираясь на замещение, осуществляет функцию построения идеализированной предметности в разных знаковых системах, осваиваемых человеком, познавательную функцию, частично функцию репрезентации и функцию управления. Базирующееся на замещении и моделировании экспериментирование реализует познавательную функцию, функцию управления, но особенно – функцию антиципации, опережающего отражения. Можно предположить, что экспериментирование затрагивает и функцию репрезентации через создание новых знаковых систем. Все это позволяет сделать вывод, что по своим фундаментальным функциям выделенные формы знаково-символической деятельности демонстрирует известную преемственность и взаимозависимость, взаимообусловленность.

Именно в рамках знаковой деятельности (замещения, моделирования, умственного экспериментирования) осваивается тот внутренний строительный материал, из которого создается квазипредметность, позволяющая личности подняться на качественно новый уровень развития: возможность отнестись к себе как знаку для себя [3; 16].

Теория знакового опосредования в развитии человека довольно небрежно трактуется в тех своих положениях, где речь идет о путях становления

сознания и самосознания в онтогенезе. Мы полагаем, что идея знаково-символической деятельности как семиотической теории опосредования может рассматриваться как иерархическая регуляторная система значений, которая обеспечивает психологическое дистанцирование индивида от здесь и сейчас происходящих событий. Эта дистанция обеспечивает диалогичность системы Я, внутри которой и происходят различные динамические подвижки.

Именно в рамках знаковой деятельности человеком осваивается тот внутренний строительный материал, из которого создается квазипредметность, позволяющая подняться на качественно новый уровень развития: возможность отнестись к себе как знаку для себя [2; 3]. Нашей гипотезой является предположение, что в основе развития самосознания личности лежит овладение знаково-символическими средствами. Мы можем утверждать, что первый уровень развития самосознания строится на основе овладения замещением как средством знаково-символической деятельности. Овладение субъектом вторым уровнем самосознания базируется на предыдущих достижениях. Стихийное развитие и специальное обучение приводят к овладению деятельностью в квазидействительности. Это еще не абстракция, однако в квазиреальности идут процессы создания «идеализированной предметности». В оперировании знаковыми средствами эта стадия представлена моделированием. Проводимые нами в этом направлении исследования позволяют предполагать наличие данной связи [16].

Третий уровень развития самосознания предполагает интеграцию всех структурных звеньев самосознания. Знания о себе становятся более абстрактными, дифференцированными, развивается идеальное и воображаемое «Я». В оперировании знаковыми средствами эта стадия представлена уровнем мысленного экспериментирования, где возможны процессы видения целого раньше выделения его частей, трансформация моделей в соответствии с разнообразными системообразующими принципами, перенесение признаков с объекта на объект в соответствии с эвристической логикой субъекта.

Мы полагаем, что такова основная линия развития самосознания. Необходимо также указать, что очерченная нами модель представляет собой предельно общую структуру изменений в самосознании: изменение статуса замещающей деятельности приводит к изменению статуса и реальности самосознания. Требуются дальнейшие исследования для построения более дифференцированной модели развития самосознания.

Список использованных источников

1. *Выготский, Л. С.* Проблема развития человека / Л. С. Выготский. – М.: Академия, 2010. – 145 с.
2. *Салмина, Н. Г.* Знак и символ в обучении / Н. Г. Салмина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 288 с.
3. *Белановская, О. В.* Знак и символ в культуре и сознании / О. В. Белановская // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2. Вып. 9 (14) / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 31–36.

4. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 479 с.
5. Петров, И. Г. Знаки, значения и символы как элементы образования сознания, единицы анализа его строения и состояния (как устроен человеческий дух) / И. Г. Петров // Мир психологии. – 1999. – № 1. – С. 119–120.
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М., 2001. – Т. 1. – С. 576.
7. Леонтьев, А. А. Психология общения: учеб. пособие / А. А. Леонтьев. – 3-е изд. – М.: Смысл: Академия, 2005. – 365 с.
8. Полторацкий, А. Ф. Знак и деятельность / А. Ф. Полторацкий, В. С. Швырев. – М.: Политиздат, 1970. – 118 с.
9. Кулагина, Н. В. Символ и символическое сознание / Н. В. Кулагина // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2, № 1. – С. 3–10.
10. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М., 1997. – С. 99.
11. Цветков, А. В. Психология системного генезиса знаково-символической функции: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / А. В. Цветков. – М.: РГСУ, 2013. – 393 с.
12. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
13. Сапогова, Е. Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника / Е. Е. Сапогова. – Тула, 1993. – 264 с.
14. Веракса, А. Н. Символическое опосредствование в познавательной деятельности: монография / А. Н. Веракса. – М.: МГУ, 2010. – 151 с.
15. Поляков, А. М. Субъект и символ / А. М. Поляков. – Минск: БГУ, 2012. – 279 с.
16. Белановская, О. В. Знаково-символическая деятельность и «образ мира» у старших дошкольников / О. В. Белановская // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 2. – С. 123–131.
17. Ибраев, Л. И. К проблеме генезиса знаков и их классификации / Л. И. Ибраев // Философские науки. – 2012. – № 5. – С. 30–39.
18. Иванова, В. Ф. Знаки и их природа / В. Ф. Иванова. – М.: Академия, 2011. – 245 с.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

О. В. Белановская

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Belanovskaya

National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 159.923.2

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ВОЗРАСТЕ СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

CHARACTERISTICS OF LIFE-SENSE ORIENTATIONS IN THE AGE OF MIDDLE ADULTHOOD

Понимание смысложизненных ориентаций показывает моральные нормы и ценности личности. Осознание личностного смысла жизни создает для человека ту базу, тот фундамент, на котором будет строиться вся система ценностей во всех ее значениях. Изучение смысложизненных ориентаций помогает отчетливее видеть ту цель и тот путь,